

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-48-64

УДК 1(091)

Атеология Жоржа Батая и негативная Суверенность

Сипливый Григорий Николаевич,

магистр юриспруденции,

*аспирант кафедры истории зарубежной философии
философского факультета*

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

Россия, 630049, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0009-0006-5813-5233

gregorytemnow@gmail.com

Аннотация

В статье дан краткий анализ трех ключевых понятий в философии Жоржа Батая: гетерологии как «логики исключения», (а-)теологии как атеистического осмысления смерти Бога и концепции «негативной», или «жертвенной», Суверенности. Представляется, что ключом для понимания различных и разнородных философских, литературно-поэтических, культурно-антропологических и социально-экономических концепций французского мыслителя служит гетерологическая логика исключенности, противостоящая интериоризации господствующего онтологического дискурса. Используемая Жоржем Батаем гетерология, или «логика исключения», является не столько негативным вариантом традиционной логики «включения», сколько логикой альтернативных крайностей. Именно стремясь преодолеть главенствующий метафизический универсализм общего бытийного порядка (воплощенный, согласно Батаю, в концепции «сущего» (*die Existenz* в философии Мартина Хайдеггера)), Батай обращается к различного рода «отрицаниям» и крайностям: левому сакральному или святости «скверны», метафорике отвратительного, эротическим и насильственным формам трансгрессии, культивированию опыта внутренней заброшенности и предельного отчаяния, а также к собственной концепции «жертвенности», служащей проводником в мир суверенного господства. Так, развивая свою концепцию метафизического «суверенитета», Батай обращается не только к экзистенциальной, но и к политической сфере, во многом противопоставляя свою «метафизику жертвенности» концепции «метафизического господства» немецкого политико-правового теоретика Карла Шмитта. Так или иначе, но почерпнутая у Фридриха Ницше нигилистическая энергия и взятая из диалектики Гегеля через интерпретации Александра Кожева «метафизическая негация» используются Батаем не в деконструктивистских целях, но прежде всего для реализации собственной «гетерологической» логики исключения, десубъективизации и диссолюции. Таким об-

разом, отрицание для Батая является не самоцелью, а средством на пути к исключенному из всякого территориального онтосемантического порядка «Иному».

Ключевые слова: Жорж Батай, история философии, гетерология, атеология, трансгрессия, нигилизм, суверенность.

Georges Bataille's Atheology and Negative Sovereignty

Grigory Siplivy,

Master of Jurisprudence,

Graduate student of the Philosophy Faculty,

Department of the Foreign Philosophy History

Lomonosov Moscow State University,

1 Leninskie Gory, Moscow, 630049, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-5813-5233

gregorytemnow@gmail.com

Abstract

The article presents a brief essay on the analysis of three key concepts in the philosophy of Georges Bataille – heterology as the logic of exclusion, (a-)theology as an atheistic understanding of the death of God and the concept of ‘negative’ or ‘sacrificial’ Sovereignty. It seems that the key to understanding the various and heterogeneous philosophical, literary-poetic, cultural-anthropological and socio-economic concepts of the French thinker is the prism of the heterological logic of exclusion, which opposes the internalization of the dominant ontological discourse. The heterology or ‘logic of exclusion’ used by Georges Bataille, is not so much a negative version of the traditional logic of ‘inclusion’, but is a logic of alternative extremes. It is precisely by striving to overcome the dominant metaphysical universalism of the general order of being (embodied, according to Bataille, in the concept of ‘being’ / ‘die Existenz’ in the philosophy of Martin Heidegger). In an effort to overcome the dominant metaphysical universalism of the general order of being, Bataille turns to various kinds of ‘denials’ and extremes – the left sacred or the sanctity of ‘foulness’, the metaphorical of the disgusting, erotic and violent forms of transgression, the cultivation of the experience of inner abandonment and ultimate despair, and, also, to his own concept of ‘sacrifice’, serving as a guide to the world of sovereign domination.

Thus, developing his concept of metaphysical ‘sovereignty’, Bataille turns not only to the existential, but also to the political sphere, largely contrasting his ‘metaphysics of sacrifice’ with the concept of ‘metaphysical domination’ of the German political and legal theorist Carl Schmitt. The nihilistic energy drawn from Friedrich Nietzsche and the ‘metaphysical negation’ taken from Hegel’s dialectic through the interpretation of Alexander Kozhev is used by Bataille for the purposes of his own ‘heterological’ logic of exclusion, desubjectivization and dissolution. However, negation for Bataille is not a target for itself, but a methodological tool on the way to the ‘Other’ excluded from any ontosemantic order.

Keywords: Georges Bataille, history of philosophy, heterology, atheology, transgression, nihilism, sovereignty.

Библиографическое описание для цитирования:

Сипливы Г.Н. Атеология Жоржа Батая и негативная Суверенность // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 48–64. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-48-64.

Siplivy G. Georges Bataille's Atheology and Negative Sovereignty. *Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 48–64. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-48-64.

Введение

Фигура французского мыслителя, поэта, социолога, авангардного писателя Жоржа Батая (1897–1962) довольно широко известна в русскоязычном академическом и публицистическом пространстве. Ввиду своей многогранности и неоднозначности, а также изначальной «междисциплинарности» своего творческого наследия Батай рассматривался и исследовался в качестве авангардного поэта, литератора и мистика, культурного антрополога и социолога и в целом мыслителя «широкого профиля», внесшего значительный вклад в западноевропейскую философию XX столетия и ее концептуальный тезаурус¹.

Однако, рассматривая Жоржа Батая и его идеи именно с точки зрения историко-философского анализа, прежде всего стоит отметить, что в области «строгой» философии академический статус Батая является весьма спорным даже в контексте общей «литературоцентричности» французской и континентальной философии. Кроме того, ключевые концептуальные и смысловые понятия, введенные Батаем и рассматриваемые в этой статье, имеют под собой скорее литературно-мистическое основание, чем результат неких строгих размышлений. Помимо этого, производимая Жоржем Батаем атака на «метафизический универсализм»² с явно «маргинальных» позиций также может поставить под сомнение академичность

¹ Из наиболее крупных работ последних десяти лет стоит выделить крайне обширную и обстоятельную монографию [5] доктора филологических наук и литературоведа С.Н. Зенкина, в которой рассматриваются социологические концепции Батая в контексте общей «академической» теории сакрального, монографию [6] историка философии А.И. Зыгмонта о «теории насилия» у Жоржа Батая и монографию [4] историка философии, политического и «контркультурного» активиста М.В. Евстропова, посвященную проблематике метафизики «Иного» у Жоржа Батая, Мориса Бланшо и Эммануэля Левинаса. Как можно увидеть, многогранность и широта личности Батая находят свое отражение не только в характере его сочинений, но и в самом плюрализме академических и «биографических» профилей его современных исследователей.

² Во избежание терминологической путаницы отметим, что выражения «порядок тождественного/гомогенного», «метафизический универсализм» и «онтологический дискурс/порядок» будут использоваться нами в качестве синонимичных и отражать батаевский взгляд на противопоставление тождественного (гомогенного) и «Иного» (гетерогенного). Данное противопоставление реализует себя на многих уровнях, начиная от противопоставления сакрального (гетерогенного) мира крайностей профанному (гомогенному) миру обыденной рациональности и заканчивая деконструктивистскими взглядами Батая на теорию субъекта.

его более поздних проектов в сфере социологии и культурной антропологии (включая экономические концепции).

В этом контексте нашей исследовательской задачей является дать некоторый вводный экскурс в идейное пространство французского мыслителя, сосредоточившись прежде всего на используемых Батаем понятиях атеологии и суверенности. Кроме того, мы также обратим пристальное внимание на такое важное для его философии направление движения мысли, объединяющее все ключевые интенции и интуиции, как «гетерология», или философия «Иного».

В конечном итоге помимо историко-философской рефлексии нашей задачей также будет выявление ключевых «метафизических» интуиций, сопровождающих философский путь французского мыслителя и выраженных в трех его ключевых «негативных»³ философских конструктах: (а-)теологии смерти Бога, негативной или «жертвенной» Суверенности и антипроекте «гетерологии» как вызова господствующему онтологическому порядку.

Гетерология

Сталкивающийся с творческим наследием Жоржа Батая историк философии может отметить, что осуществление системного анализа его идей может вызвать некоторые затруднения ввиду общего антисистемного характера его сочинений. Тем не менее, несмотря на отсутствие какой-либо строгой тематической и смысловой последовательности, в структуре мысли французского мыслителя можно проследить «классические» черты для «литературоцентричной» континентальной философии – следование большим нарративам и академически иррелевантным, крайне широким обобщениям.

Как отмечает историк философии и специалист по философской антропологии О.В. Тимофеева, в этом смысле «фигура Батая представляет собой “странный”, “качающийся”, “как будто живой” мост – мост между современной философской теорией и тем, что называют классической метафизикой» [11, с. 4].

³ Под «негативностью» здесь стоит понимать метафизическую негацию, сходную с нигилистическим отрицанием. Так, обращенность к «негативному» у Батая проявляется и в выделении им «негативного/левого сакрального» эксплицированного и через метафорику отвратительного и шокирующего, и через формирование основанных на трате и жертве концепций Суверенности и экономического обмена, и через своеобразный анализ «негативной» диалектики Гегеля, заимствованной им у Александра Кожева. Тем не менее нельзя сказать, что ключевой философской интенцией для Батая являлась именно негация-отрицание прежде всего, поскольку уплощенная логика прямого отрицания слишком легко поддается гомогенизации и «интериоризации», то есть включению в общий гомогенный порядок «того же самого», против которого Батай выступал со стороны «Иного» и «Инакового». О «негативном» у Жоржа Батая и его связи с экстатическим см., например, в [14, 15, 18].

Для лучшего понимания ключевых, интересующих нас тем (атеологии как «теологии смерти Бога» и секулярного культа негативного сакрального, а также (а)цефалической концепции «Суверенности» как суверенитета от негативного) для начала стоит задать некую «рамочную» оптику. Представляется, что лучше всего для этого подходит рассмотрение философских и мистических интенций в творчестве французского мыслителя через призму понятия (гетерологии) (*heterologie*) как «философии Иного».

Так, ключевым смыслом «гетерологии» (*ἕτερος λόγος*), то есть логики различения, с точки зрения Батая, является преодоление подчинения «Иного» «тому же самому». На уровне дискурсивной модели это выражается в различных «исследовательских предприятиях», направленных на выяснение скрытых, вытесненных и отрицаемых основ того или иного явления. Так, применяя гетерологический инструментарий к тому или иному дискурсу, Батай идет наперекор специфике изучаемого предмета и зачастую истолковывает его на чуждом ему языке, а иногда и вовсе словно стремится «разрушить» его собственные основания.

В свою очередь, однако, «дискурс тождественного» сопротивляется производимому «поиску вытесненного» и пересмотру его собственных основ, уже «интериоризируя», то есть подчиняя сопротивляющееся «Иное» включению в собственный «территориальный порядок». Так, историк философии Винсент Декомб отмечал: «Такие понятия, как “гетерология”, выражают, возможно, неизбыточную, а возможно, и характеризующую только лишь соответствующую историческую эпоху негативную зависимость разного рода “философий иного” от философского языка, который, в свою очередь, не может быть чем-то иным, кроме как, по выражению Левинаса, “дискурсом Тождественного”» [3, с. 300].

Таким образом, в самих основах философского дискурса, производимого Батаем, заложено противоречие, связанное с «порочностью» конечного результата любой философской и концептуальной экспликации. (Анти)проект «гетерологии» в таком случае представляет собой изначально уязвимый способ мышления, атакующий не только общую гомологичную универсальность, но и собственные выводы, исходящие из ее критики. Кроме того, производство пересмотра *вытесненного содержания* дискурса «тождественного», равно как и выставление *иных* альтернатив, неизбежно связано с негативными операциями. Так, уже в самой основе концептуального аппарата Жоржа Батая заложена «негативная» составляющая, зачастую связанная с поиском наиболее радикальной, предельной и шокирующей дифференциации в таких областях творческого дискурса, как поэтика, мистика и теория искусства.

Как отмечает специалист в сфере французской философии XX столетия Максим Евстропов, «принципиальное своеобразие позиции Батая

в контексте современных и предшествующих ему мыслительных традиций состоит в стремлении сохранить инаковость “иногo” в ее чистоте и абсолютности, в устойчивом интересе к тревожной и мрачной стороне “иногo”, к тому, что в самом “инoм” оказывает сопротивление его “интериторизации”, освоению и включению в порядок “тождественного”» [4, с. 10].

В этом контексте ключевыми инструментами по противодействию «интериторизации» (включение «иногo» в общую «территорию» универсального порядка), используемыми Батаем, являются парадоксальность, негативность и инверсия. Он играл на разных «семантических», «тематических» и институциональных полях⁴, и тем не менее представляется, что ключевое значение для Батая имеет именно метафизический универсализм и сам онтологический дискурс⁵ как его воплощение.

Примечательным также является то, что для Батая понятия «священного», равно как и «трансцендентного», целиком принадлежат общей логике трансгрессии и не связаны с каким-либо позитивным представлением о возвышенном. Так, опыт «божественного» уравнивается Батаем с опытом дорефлексивного чистого *животного автоматизма*⁶, поскольку он равнозначен в своем метафизическом ядре (выхождение за рамки общей дискретности и гомогенности универсального порядка). Широко известно, что Батай в своих литературных и философских работах прибегал к различной «метафорике отвратительного» для выражения трансгрессивной силы некоторых «онтологических крайностей». Исключенное на периферию «бытийного порядка» отвратительное в таком случае играет роль агрессив-

⁴ Широко известно, что Жорж Батай был по профессии хранителем в Национальной библиотеке Франции и выражал свою мысль в пространстве таких «дисциплин», как социология, теория искусства, литература и, собственно, философия.

⁵ Стоит сделать примечание, что, выстраивая свою негативную «антипроектную» логику, Батай зачастую искал способы преодоления или «инвертирования» традиционных общих или «возвышенных» категорий и дискурсивных моделей. Так, собственно онтологии как логике «бытийного включения» противопоставлялась конролалическая «скатология» (от греч. *σκατά* – «отбросы») как логика «низменного исключенного». В историко-философском контексте это также имеет значение, поскольку сходные по смыслу батаевские концепции «базового» или «низкого» материализма повлияли на современную объектную онтологию и феноменологию нечеловеческого.

⁶ Здесь стоит сделать оговорку, что, апеллируя к психологии животных, Батай понимает «животное существование» как некоторую дорефлексивную чистую экзистенциальную непрерывность. Так, для Батая животное существование является внесубъектным опытом имманентной растворенности (*intimité*). Это «сакральное», то есть неподвластное темпоральным и рациональным ограничениям, состояние является экзистенциальным ядром религиозного опыта. Так, Батай полагал, что всякий *зверь* существует как *вода в воде*, то есть полностью лишен субъектных, временных и дискретных рамок конкретного сознания. Отдельно стоит отметить, что, разрабатывая свою теорию «непрерывности», Батай обращался к философии жизни и бергсоновской идее «длительности», осмысливая ее в контексте гетерологии. О связи между философией Бергсона и Батая см. [20].

ного и невыносимого «священного», поскольку противостоит профаническому миру рациональной систематизации и психического комфорта.

Так, сам Батай в «Психологической структуре фашизма» писал: «Инородный мир... включает в себя всю совокупность результатов непродуманной траты... Иначе говоря, он включает в себя всё, что однородное общество отвергает либо как отходы, либо как трансцендентную ему высшую ценность. Сюда входят: выделения человеческого тела и некоторые аналогичные субстанции (помои, паразиты и т. д.); части тела, лица, слова или действия, имеющие суггестивное эротическое значение; различные бессознательные процессы, такие как сновидения и неврозы; многочисленные социальные элементы или формы, которые однородная часть общества не в силах ассимилировать: толпы, воинские, аристократические и отверженные сословия, разного рода индивиды – буйные или, во всяком случае, отвергающие общий закон (сумасшедшие, вожаки, поэты и т. д.)» [1, с. 85].

Таким образом, противостоя «дискурсу тождественного», французский мыслитель стремился использовать различные апелляции к «крайностям», включающие в себя обращение к «левому сакральному», опыт трансгрессии и различные формы опыта жертвы и траты. Кроме того, Батай также видит выход за пределы общей онтологической гомогенности в поиске предельных диалектических парадоксов, что находит отражение в его авангардной и мистической поэтике⁷. Однако само обращение к «Иному» для Батая не является произвольным выбором, а неразрывно связано с главной нигилистической катастрофой европейской цивилизации – смертью Бога.

Атеология

Как известно, для Батая тематика негативности нашла свое прямое воплощение в двух концептуальных «антипроектах»: в концепте (а-)цефала⁸ и (а-)атеологии. Так, атеология в понимании Батая должна была стать способом помыслить не просто отсутствие Бога как позитивистски-атеистиче-

⁷ В качестве примера такого диалектического парадокса можно привести скандальное сочинение Батая «Солнечный анус» («L'anus solaire», 1931). Так, используя сюрреалистическую метафорику, мыслитель создает образ «солнечного ануса» как диалектически сопряженную пару скверного и святого. Солнечный атрибут здесь отражает платонический образ Царя-Солнца (Единое, Благо), который сопрягается с негативно-меотической лишенностью «ануса» – «хорь» как «бесплодной матери». Таким образом, солнечное Единое как то, что превосходит бытие, и «анальная материя» как то, что бытия лишено, совпадают в рамках диалектического парадокса, солидаризируясь *вне* бытийного порядка.

⁸ «Ацефал» (от греч. ἀκέφαλος – «обезглавленный») – это название социологического журнала Жоржа Батая, выходившего во Франции с 1936 по 1939 год. Первый выпуск журнала «Ацефал» вышел под обложкой с рисунком Андре Массона, на котором изображен обезглавленный витрувианский человек со знаком черепа в паховой области. Образ ацефала широко использовался Батаем как метафора негативной суверенности, или десубъективизации.

скую данность, но именно его *смерть* и *исчезновение* как эпохальное и парадигмальное мистическое событие. Мистически осмысляемая смерть Бога, равно как и поиск нового «священного», лежащего за пределами прежних форм отмершей духовности, является одной из ключевых философских интенций в изысканиях Жоржа Батая.

Как отмечает Ник Ланд в своей книге, посвященной нигилизму у Жоржа Батая, зафиксированная Ницше смерть Бога⁹ для французского мыслителя не только является глобальным космологическим событием, но и открывает новые эвристические горизонты. Так, на останках умершего Бога чистая метафизическая негативность отныне становится не вестником деструкции, но новым инструментом. Как пишет Ланд, «что есть общего у Дерриды и Лиотара и в чем они расходятся относительно Ницше, так это в вопросе предположения о том, что атеизм есть пример отрицания, а не трансмутации или переоценки смысла христианства. Для Ницше легко обвинить атеизм в обращении к понятию негативности, которое само по себе является теологическим, поскольку быть нигилистом означает пассивно оставаться внутри социально-исторически реализованного теологического пространства, которое продолжает организовывать значения всех терминов. В свою очередь, отрицание перековывается в празднование смерти Бога, чтобы обозначить путь, в котором Бога нет, и это смысл, несоизмеримый с отрицанием, которое было допустимо в теологии и обусловленной ею метафизике» [16, с. 20].

Здесь стоит отметить, что сам Батай в своих работах не обращается к прямой рефлексии над нигилизмом как общецивилизационным и культурным упадком. Тем не менее французский философ осмысляет «опыт отсутствия Бога» как опыт «невозможного» (*impossible*). Данный опыт, являющийся крайним пределом трансгрессивного движения, превосходит в себе не только позитивную утвердительность метафизического универсализма, но и саму «негативность» как таковую, поскольку он предполагает

⁹ Известно, что философия и жизненный путь Фридриха Ницше имели особое значение для французского мыслителя. Наиболее примечательной, однако, здесь является одна небольшая и мистическая *деталь*. Батай, инспирированный героическим и мессианским пафосом Ницше, тем не менее отмечал на страницах своего журнала «Ацефал» («Acéphale»), что главным днем в жизни Ницше было 3 января 1889 года, то есть день обретения им безумия, когда Ницше в рыданиях бросился обнимать лошадь, которую стегали кнутом. Вся метафизическая трагичность, а равно ироничность данной ситуации Батаю видится в том, что, согласно «Так говорил Заратустра», «если живое само повелевает собой, то живое должно искупить свою власть и стать судьей, мстителем и *жертвой* своих собственных законов». Таким образом, Ницше самостоятельно воплотил в жизнь главный принцип концепции суверенности Батая: будучи проводником закона жизненной Власти, он стал *жертвой*, разделив участь избиваемой лошади. Жертвенность Ницше, а равно история его безумия отражают для Батая и главную интенцию гетерологии: любая стремящаяся за пределы «порядка тождественного» мысль обречена стать его *жертвой* и быть интериоризированной (поглощенной) им. О связи философии Жоржа Батая и философии Фридриха Ницше см. [14].

отсутствие какого-либо теологического «спасения», равно как и наличие онтологического референта¹⁰.

Данный «внутренний» (*interne*) опыт является наиболее «краевым» из всех экзистенциальных состояний и совмещает в себе модусы предельного отчаяния, забвения и жертвенной казни. Если упустить из виду главную интенцию Батая (выход *за пределы* общего онтологического дискурса), может показаться, что мыслитель намеренно использует деструктивные приемы нигилистического отрицания, доходя в конечном итоге до состояния метафизического отчаяния и агонии. Тем не менее негация не является для Батая самоцелью, но лишь выступает указующим вектором на пути к «Иному».

Как отмечает французский исследователь творчества Батая Франсуа де Марш, во «Внутреннем опыте» Батай доходит до отрицания самой эвристической и эпистемологической значимости языкового высказывания, поскольку в условиях «предельного опыта» язык больше не осуществляет свою дескриптивную функцию и становится более препятствием для высказывания, чем средством его оформления. Как указывает де Марш, «для Батая внутренний опыт является переживанием, свободным от всякой утилитарной цели и, более того, разрывающим цепь средств и целеполаганий как таковых, будучи самоцелью. Рефлексия над ним представляла собой скорее игру или состязание в возможностях понимания, потому что она не приводила к какому-либо результату, в частности, к результату знания, но заканчивалась только Неведением. Он (Батай) порвал с языком, который теперь больше походил на препятствие» [21, с. 2].

Негативное движение к «краю возможного», производимое Батаем в рамках опыта (а-)теологии, напоминает интенцию негативной (апофатической) теологии, однако с иными телеологическими целями. Так, констатируя и фиксируя «праздник смерти Бога», Батай не стремится познать Его метафизическую Абсолютность через негативную диалектику, но стремится, скорее, артикулировать сам опыт отсутствия и ускользающей «отсутственности». Этот опыт максимальной лишенности, равно как и движение к этому опыту, обозначается им поэтико-мистическим понятием «казни» (*le supplice*), взятым из культурной антропологии и практик человеческих жертвоприношений.

Рефлексия Батая над опытом жертвенности, лишенности, предельного отчаяния и невозможности какого-либо «спасения» произвела сильное впечатление на его современников. Как указывал религиозный философ

¹⁰ Стоит также подчеркнуть, что (анти-)проект (а-)теологии не предполагает отсутствие и отрицание теологии как таковой, но постулирует именно теологию крушения божественного или теологию «негативного сакрального». Тем не менее используемая Батаем терминология и общий «секулярный» подход к мистическому повлняли и на атеистических критиков религии непосредственно, например, на Мишеля Онфре [17].

Габриэль Марсель, «сомневаюсь, что когда-либо еще заходили так далеко в утверждении радикального нигилизма» [8, с. 8]. Кроме того, стоит отметить, что работа Батая «Внутренний опыт» (*L'Expérience intérieure*, 1943) также произвела шокирующее впечатление и на Жан-Поля Сартра, который охарактеризовал ее как «эссе-мучение» [9, с. 13].

Отдельно стоит заметить, что схватываемый и фиксируемый Батаем опыт радикальной «лишенности» связывается рядом современных исследователей с разрабатывавшейся в то же время фундаментальной онтологией Мартина Хайдеггера. Так, по мнению М.В. Евстропова, «беспредметный “предмет” “атеологии”, безобъектный “объект” тех “экстазов”, описание которых мы встречаем на страницах “Внутреннего опыта”, оказывается, таким образом, близок не только “*noх mystica*” негативной теологии, но также и “бытию” (*das Sein*), как не-предметной фигуре фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера (ведь “бытие” не есть сущее – стало быть, строго говоря, оно вообще не есть)» [4, с. 68].

Кроме того, на эту близость также указывает Пьер Клоссовски в статье «Симулякры Жоржа Батая». На взгляд Клоссовски, Батай, в отличие от Хайдеггера, «озабочен не столько пониманием ускользающего “бытия”, сколько самим опытом осуществления этого ускользания, которое имеет для него позитивное значение и реализуется посредством ряда суверенных операций» [7, с. 82].

На связь между «откровением от негативного» в контексте внутреннего опыта смерти Бога у Жоржа Батая и экзистенциальными модусами ужаса у Мартина Хайдеггера указывает не только М.В. Евстропов, но и независимо от него С.Н. Зенкин. Так, хайдеггерианский опыт «открытия Бытия» является ретрансляцией «нуминозного» или священного как такового, сущностно продолжая концептуальную модель Рудольфа Отто. Батаевское же переживание «отсутствующего» Бога есть не что иное, как «раскрытие бытия в сущем», в терминах Хайдеггера.

Как указывает С.Н. Зенкин в работе «Небожественное сакральное», «в “Бытии и времени” (1927) он говорит о сакральном, не называя его по имени, в главе, посвященной “ужасу”. Ужас отличается от обычного страха абсолютно иной, внемирной природой своего источника: Отчего ужас не есть внутримирное сущее. Поэтому с ним по его сути невозможно никакое именование дела. Следствие этой внемирности: манифестация ужаса (читаем: сакрального) заставляет нас непосредственно пережить открытость, разомкнутость мира. Захваченность ужасом размыкает исходно и прямо мир как мир. Не сначала, скажем через размышление, отвлекаются от внутримирно сущего и мыслят уже только мир, перед которым потом возникает ужас, но ужасом как модусом расположенности впервые только и разомкнут мир как мир. Это, однако, не значит, что в ужасе мирность мира осмысливается» [5, с. 70].

В конечном итоге, однако, в отличие от Хайдеггера, Батай стремится отыскать «разрыв в ткани сущего» не для дальнейшего выстраивания онтологического дискурса, но для *ухода* от него. Схватывание наиболее острых и «разрезающих» аспектов бытийствования является не только ключевым аспектом «внутреннего» опыта, но и экзистенциальной задачей для специфического батаевского субъекта – (а)цефалического Суверена.

Суверенность

Фундаментальная рефлексия над метафизическим основанием «негативности» производится Батаем и через осмысление концепции «суверенитета» и фигуры «Суверена». Тематика метафизического, политического и экзистенциального обоснования «суверенности» разрабатывалась в XX веке многими авторами, включая Пьера Бурдьё, Дьёрдя Лукача и Жака Рансьера. Однако более всего нас интересует компаративистский анализ концепций «суверенности» у Жоржа Батая и Карла Шмитта. Несмотря на всю разницу между концепциями суверенитета у Шмитта и Батая, можно говорить и о наличии некоторых схожих черт.

Так, мышление Карла Шмитта нельзя назвать столь же метафизически и литературно-мистически инспирированным, как у Жоржа Батая, поскольку оно развертывалось в политико-правовой плоскости и было сопряжено с частными аспектами общественной деятельности. Тем не менее концептуально-идеологический аппарат Шмитта генетически происходит из католической теологии, что увязывает его с авраамической логикой откровения и католическими догматами (исповедуемыми ранним Батаем и отрицаемыми им позднее).

Для Шмитта размышления о политической теологии начинаются с неокантианской¹¹ констатации трансцендентности чрезвычайного субъекта, продуцирующего чрезвычайную норму. Чрезвычайным субъектом является Суверен – лицо, способное объявить чрезвычайное положение. Только Суверен как анатомическая вершина органической конструкции государственного Левиафана имеет «*auctoritas*» для принятия правового решения. Суверен обладает божественной способностью к политизации «предельной сферы», низводя ее из пространства «крайнего случая» в область властной актуализации.

¹¹ Большинство исследователей разделяют политико-правовое творчество Шмитта на этап неокантианского трансцендентализма (1910–1920-е годы), децизионизма (1920–1930-е годы) и учения о «конкретном порядке» (1930-е годы). Неокантианский элемент в мышлении Шмитта проявлялся, прежде всего, в стремлении отыскать некую «предельную норму» или трансцендентную «предельную сферу», которая и будет являться источником легитимности. В рамках концепции суверенитета чрезвычайное положение Суверена является той самой «запредельной сферой», из которой исходит политическая и правовая легитимность.

Суверен по своей природе сопряжен с Предельной сферой, именно из нее он черпает свою метафизическую и, как следствие, политическую легитимацию. Предельная сфера по Шмитту – это та область, которая является трансцендентной по отношению к общему порядку сущего. Способом приближения к этой сфере является наличие метафизической *воли*, что и отличает фигуру Суверена.

Шмитт конституирует Суверена следующим образом: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Эта дефиниция может быть справедливой для понятия суверенитета только как предельного понятия, ибо предельное понятие означает не смутное понятие, как в неряшливой терминологии популярной литературы, но понятие предельной сферы. Соответственно, его дефиниция должна быть привязана не к нормальному, но только к “крайнему случаю”» [13, с. 15].

Для Батая Сувереном также является лицо, преодолевшее пространство обыденно-профанического. Метафизический суверенитет, по Батаю, добывается через выход из общего потока гомогенного и обрывочного пространства экономической и социальной жизни. Совершая акт траты, роскоши, жестокости, экстатического оргазма (равно как и акт особого, *философского смеха и молчания*), субъект выбивает себя из телеологического цикла и обретает Суверенность. Батаевский суверенитет сопряжен не столько с волей к трансцендентному Пределу, сколько с волей к Инаковости, волей к преодолению указующей цепи целеполагания как такового.

По мнению специалиста по эротической философии Жоржа Батая О.В. Тимофеевой, «и Шмитт, и Батай – каждый, разумеется, по-своему – демонстрируют логику, в соответствии с которой фигура Суверена вырастает из пены буржуазной демократии. Имеется в виду логика исключения, область применения которой не ограничена данным историческим контекстом. Можно даже сказать, что она вообще не ограничена историческим контекстом: исключение представляет собой универсальный механизм производства и воспроизводства власти» [12, с. 75].

Примечательно также и то, что и Шмитт, и Батай уделяют особое внимание роли «насилия» как метафизического основания суверенности. «Насилие» здесь предполагает не только прямую физическую и политическую агрессию, но, скорее, само движение ярости. Как указывает историк философии А.И. Зыгмонт, «во-первых, “насилие” – понятие русского языка и в таковом качестве является лишь одним из возможных вариантов интерпретации французского *violence*. Семантика этого слова во французском языке представляется довольно сложной. С одной стороны, это собственно насилие в смысле применения силы и причинения боли, с другой – оно вбирает в себя смыслы ярости, агрессии и крайностей в выражении: так, например, можно говорить о *violence* чувств, страстей и желаний.

Батаю удается обыгрывать сразу все эти смыслы и прибавлять к ним новые: для него это прежде всего нарушение границ единичного, размыкающее его во всеобщее, доведение чего-то до предела, предполагающее его качественное преобразование (та самая негативность), и, наконец, субстантивация этого движения как некоей энергии, которая “выплескивается” в том и другом случае» [6, с. 25].

Так, следуя данной логике понимания «насилия» как ярости предельной сферы, жертва в случае жертвоприношения имеет гораздо больше суверенитета, нежели ее палач, поскольку, лишая себя физической субъектности, она обретает возможность прервать общий цикл бытийности. Палач, в свою очередь, имеющий мнимую власть над физическим существованием жертвы, всецело подчинен телеологии действия, являясь лишь звеном в общей цепи замкнутого миропорядка¹².

Теряя свою субъектность в акте растраты и уничтожения, жертва и расточитель обретают свой метафизический суверенитет. Именно уничтожившись, Суверен становится таковым, поскольку он смог вырваться из консистенции бытийности и обрести потаенную сакральность не-субъектности. Как указывал сам Батай, «чистую суверенность я определяю как чудесное царство не-знания»¹³ [2, с. 345].

Таким образом, основанный на самоуничтожении *путь жертвы*, равно как и *путь казни*, является одновременно путем *негативного господства*, поскольку акт *распятия* для Батая есть не что иное, как реализация логики господства. В этом смысле батаевский Суверен, как и шмиттианский, является Сувереном Предельной сферы. Однако шмиттианский Суверен, хоть и является свободным от нормативных установлений, тем не менее функционирует как источник легитимной Воли.

Негативная свобода и могущество батаевского (а-)цефала как символа негативной суверенности является более полными, поскольку, вырывая себя из общего потока целеполагания, он деконструирует саму природу власти. Так, уничтожающий *сам порядок властвования* властитель становится

¹² Здесь также можно отметить, что зачастую палач сам становится *жертвой* последующих расправ, на что неоднократно указывал Батай в контексте анализа великих французской и русской революций и истории политического террора. Кроме того, в диалектике отношений «палач – жертва» также можно обнаружить характерный для Батая *эротический* аспект. Отношения между казненным и осуществляющим казнь также связаны маркером *диссолюции*, реализуемой через смерть, как и отношения между двумя любовниками, растворяющимися друг в друге и экзистенциальном потоке «чистой жизни» через оргазмический экстаз. Как отмечает Крис Вандервис, «для Батая отдельные личности реализуют свою преемственность через секс и смерть. И секс, и смерть тесно переплетены в его (Батая) рассуждениях об эротизме. В сексе два человека «выбрасываются за пределы своих возможностей сексуальным оргазмом» и одновременно становятся «открыты для непрерывности» [19, с. 3].

¹³ Незнанием в терминах Батая здесь являются десубъективизация и выход за рамки ограниченности индивидуального и дискретного сознания.

одновременно *безвластным* (*анархическим*) и *всевластным* (*панархическим*), поскольку его могущество есть могущество не знающей границ чистой *негативной растворенности*.

Заключение

Представленный в настоящей статье *краткий очерк* ключевых концептуальных и дискурсивных фигур в философии Жоржа Батая не является и не может быть исчерпывающим. Так, нами практически не были рассмотрены важнейшие понятия трансгрессии, животного автоматизма и используемой Батаем «органической» метафорике «глаза». Тем не менее представляется, что мы смогли рассмотреть ключевые для французского мыслителя метафизические конструкции: жертвенной, или негативной, суверенности и (а-)теологии умершего Бога.

Широта личности Жоржа Батая и дискурсивный размах его работ дают исследователям возможности для применения самых различных интерпретаций и объяснительных схем. Так, можно вспомнить об уже упомянутых прочтениях философии Жоржа Батая в контексте выстраивания нерелигиозных форм анализа понятий священного и сакрального в XX столетии (от Рудольфа Отто к Рене Жирану и Батаю), о прочтении Батая как одного из теоретиков «насилия» наряду с Пьером Прудоном, де Садом и Рожером Кайуа, а также о прочтении философии Батая через призму гетерологических поисков «Иного» во французской философии середины XX века (Батай, Эммануэль Левинас, Морис Бланшо). Помимо этого, также можно упомянуть о прочтениях Батая через призму нигилистической критики современности и парной связи Батай – Ницше, исследованиях, посвященных Батаю в контексте истории эротизма, прочтениях Батая как предвестника постмодернизма и прямого вдохновителя Жака Деррида, Жюль Делёза и Жана Бодрийера, а также множество других вариантов.

В свою очередь, нашей исследовательской задачей в рамках настоящей статьи было представить краткий очерк по философии Жоржа Батая в контексте *метафизики негативности*, а именно рассмотреть место негации и отрицания в самой методологии французского мыслителя и его ключевых концептуально-дискурсивных моделях.

Так, исповедуемая Батаем логика исключения как смысловое содержание гетерологии неразрывно связана с негацией как таковой, однако не исчерпывается ею. Реализуя свой главный «внутренний» импульс (преодоление господствующего порядка онтологического тождественного), Жорж Батай обращается к метафорике отвратительного и сакрально-трансгрессивному потенциалу «скверны», животному царству *незнания*, властной силе священного насилия и общей экономики энтропии, которая реали-

зует логику исключения в пространствах от космологического до социального. Наконец, наивысшими проявлениями данной гетерологической исключенности являются «внутренний опыт» невозможности Спасения и жертвенное господство Суверена.

Литература

1. *Батай Ж.* Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 80–102.
2. *Батай Ж.* Проклятая часть: сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
3. *Декомб В.* Тожественное и иное. Сорок пять лет из истории французской философии (1933–1978). – М.: Весь мир, 2000. – 344 с.
4. *Евстратов М.В.* Опыты приближения к «иному»: Батай, Левинас, Бланшо. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 340 с.
5. *Зенкин С.Н.* Небожественное сакральное: теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2012. – 537 с.
6. *Зыгмонт А.* Святая негативность: насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 320 с.
7. *Клоссовски П.* Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса. – СПб., 1994. – С. 79–91.
8. *Марсель Г.* Против спасения // Танатография Эроса. – СПб., 1994. – С. 45–63.
9. *Сартр Ж.-П.* Один новый мистик // Танатография Эроса. – СПб., 1994. – С. 11–45.
10. *Сишер Б.* Ницше Жоржа Батая // Предельный Батай. – СПб., 2006. – С. 235–251.
11. *Тимофеева О.* Введение в эротическую философию Жоржа Батая. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 200 с.
12. *Тимофеева О.* Химера суверенности: между Шмиттом и Батаем // Синий диван. – 2008. – № 12. – С. 65–78.
13. *Шмитт К.* Политическая теология. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
14. *Creasy K.* The Problem of Affective Nihilism in Nietzsche: Thinking Differently, Feeling Differently. – New York: Palgrave Macmillan, 2020. – 200 p.
15. *Negative Ecstasies: Georges Bataille and the Study of Religion / ed. by J. Biles, K.L. Brintnall.* – New York: Fordham University Press, 2015. – 311 p.
16. *Land N.* The thirst for annihilation: Georges Bataille and virulent nihilism: an essay in atheistic religion. – London: Routledge, 1992. – 240 p.
17. *Onfray M.* Atheist Manifesto: The Case against Christianity, Judaism, and Islam. – New York: Arcade Publ., 2011. – 264 p.
18. *Haase U.* Sacred Communication, or: Thinking Nihilism through Bataille // Journal of the British Society for Phenomenology. – 2010. – Vol. 41 (3). – P. 304–318.

19. *Vanderwees C.* Complicating Eroticism and the Male Gaze: Feminism and Georges Bataille's Story of the Eye // *Studies in 20th & 21st Century Literature*. – 2014. – Vol. 38 (1). – Art. 6. – P. 1–16.
20. *Fourny J.-F.* Bataille et Bergson // *Revue d'Histoire Littéraire de La France*. – 1991. – N 4. – P. 704–717.
21. *March F. de.* La critique du langage discursif par Georges Bataille: quelle voie épistémologique peut-elle ouvrir en gestion? // *Actes du cinquième Congrès de Philosophie du management: "Management, Technique et Langage"*, Société de Philosophie des Sciences de Gestion (SPSG). – Metz, France, 2017. – P. 1–15.

References

1. Bataille G. Psihologicheskaya struktura fashizma [Psychological structure of fascism]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Observer*, 1995, no. 13, pp. 80–102. (In Russian).
2. Bataille G. *Proklyataya chast': sakral'naya sotsiologiya* [The Accursed Share]. Moscow, Lodomir Publ., 2006. 742 p. (In Russian).
3. Descombes V. *Tozhdvestvennoe i inoe. Sorok pyat' let iz istorii frantsuzskoi filosofii (1933–1978)* [Identical and Different]. Moscow, Ves' mir Publ., 2000. 344 p. (In Russian).
4. Evstropov M.V. *Opyty priblizheniya k «inommu»: Batai, Levinas, Blansbo* [Experiences of approaching the "other"]. Tomsk, TSU Publ., 2012. 340 p.
5. Zenkin S.H. *Nebozhdvestvennoe sakral'noe: teoriya i kbudozhdvestvennaya praktika* [Undivine sacred]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 537 p.
6. Zygmunt A. *Svyataya negativnost': nasilie i sakral'noe v filosofii Zhorzha Bataya* [Holy negativity. Violence and the sacred in the philosophy of Georges Bataille]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 320 p.
7. Klossowski P. Simulyakry Zhorzha Bataya [George Bataille's simulacres]. *Tanatografiya Erosa* [Thanatography of Eros]. St. Petersburg, 1994, pp. 79–91. (In Russian).
8. Marcel G. Protiv spaseniya [Against salvation]. *Tanatografiya Erosa* [Thanatography of Eros]. St. Petersburg, 1994, pp. 45–63. (In Russian).
9. Sartre J.-P. Odin novyi mistik [A new mystic]. *Tanatografiya Erosa* [Thanatography of Eros]. St. Petersburg, 1994, pp. 11–45. (In Russian).
10. Sichère B. Nitsche Zhorzha Bataya [Nietzsche of Bataille]. *Predel'nyi Batai* [Georges Bataille]. St. Petersburg, 2006. pp. 235–251. (In Russian).
11. Timofeeva O. *Vvedenie v eroticheskuyu filosofiyu Zhorzha Bataya* [Introduction in erotic philosophy of George Bataille]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 200 p.
12. Timofeeva O. Khimera suverenosti: mezhdru Shmittom i Bataem [Chimera of Sovereignty: between Schmitt and Bataille]. *Sinii divan*, 2008, no. 12, pp. 65–78. (In Russian).
13. Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Moscow, Kanon-press-C Publ., 2000. 336 p. (In Russian).

14. Creasy K. *The Problem of Affective Nihilism in Nietzsche: Thinking Differently, Feeling Differently*. New York, Palgrave Macmillan, 2020. 200 p.
15. Biles J., Brintnall K.L., eds. *Negative Ecstasies: Georges Bataille and the Study of Religion*. New York, Fordham University Press, 2015. 311 p.
16. Land N. *The thirst for annihilation: Georges Bataille and virulent nihilism: an essay in atheistic religion*. London, Routledge, 1992. 240 p.
17. Onfray M. *Atheist Manifesto: The Case against Christianity, Judaism, and Islam*. New York, Arcade Publ., 2011. 264 p.
18. Haase U. Sacred Communication, or: Thinking Nihilism through Bataille. *Journal of the British Society for Phenomenology*, 2010, vol. 41(3), pp. 304–318.
19. Vanderwees C. Complicating Eroticism and the Male Gaze: Feminism and Georges Bataille's Story of the Eye. *Studies in 20th & 21st Century Literature*, 2014, vol. 38 (1), art. 6, pp. 1–16.
20. Fourny J.-F. Bataille et Bergson. *Revue d'Histoire Litteraire de La France*, 1991, no. 4, pp. 704–717.
21. March F. de. La critique du langage discursif par Georges Bataille: quelle voie épistémologique peut-elle ouvrir en gestion? *Actes du cinquième Congrès de Philosophie du management: "Management, Technique et Langage"*, Société de Philosophie des Sciences de Gestion (SPSG), Metz, France, 2017, pp. 1–15.

Статья поступила в редакцию 24.06.2023.

Статья прошла рецензирование 11.08.2023.

The article was received on 24.06.2023.

The article was reviewed on 11.08.2023.